

Анджей Иконников-Галицкий

ЛИТЕРНЫЙ А

СПЕКТАКЛЬ В ИМПЕРАТОРСКОМ ПОЕЗДЕ

Современная интеллектуальная книга
Санкт-Петербург

РАННИМ УТРОМ ЧЕТВЁРТОГО СЕНТЯБРЯ...

Мысль – вещество познания, оружие истины, свет и свидетельство Божие в человеке – она наша и не наша; я её рождаю, но живёт она сама по себе.

Невозможно объяснить, что она такое, но хорошо видны кое-какие черты её облика, определимы её свойства.

Мысль сродни металлу: её можно отливать в форме, выковывать и оттачивать.

Она как глина: пластична, лепи из неё фигурки-образы, какие хочешь.

Она любит неожиданные приёмы и вообще разное неожиданное. (У меня есть один знакомый, который наизусть знает все станции, полустанки, перегоны и километровые знаки железных дорог бывшего Советского Союза. Его мысль расставляет по этим километрам нужные явления и факты и таким образом сводит их в разумное целое.)

Иногда движение мысли и правда сродни движению железнодорожного состава: быстро проскакивает по задворкам больших городов, подолгу стоит на неведомых полустанках.

Однако у неё характер и норы: идёт своим путём, и попробуй направь её – вырвется или залезет в тупик...

Вообще мысль любит окольные тропы. При штурме великих высот она, как настоящий стратег, не атакует в лоб, а выискивает неожиданные для противника пути обхода.

Вот, скажем, есть нечто грандиозное, неохватное, необъяснимое. Допустим, русская революционная смута. Сталкиваясь с этим явлением, мысль совершенно отказывается воспринимать его главные, цитадельные составляющие – загадка остаётся загадкой, – но вдруг цепляется за какие-то торчащие отростки, проволочки, верёвочки, ниточки, ухватывает их, начинает тянуть, вытаскивать, разматывать – причём процесс этот может продолжаться годами, десятилетиями и даже большую часть жизни. Например, вцепится в какое-нибудь причудливое имя, принадлежащее второстепенному действующему лицу – в какого-нибудь лакея Фирса – и будет, не давая покоя, свербеть и выискивать: кто он да что он.

Эту мысль я думаю сейчас, вместо того чтобы спать сладким предутренним сном, в шесть тридцать шесть, четвёртого сентября 2017 года. Сто лет назад, того же числа сентября 1917 года, в ходе русской революции произошло событие, не совсем маловажное, но и никак не первостепенное. На должность главнокомандующего войсками Петроградского военного округа был назначен полковник Полковников.

От этого полустанка мы начнём путешествие: паровоз тронулся.

ПОПУТЧИКИ

С детских лет из школьного учебника засело в памяти это каламбурное сочетание: полковник Полковников. Твёрдая ассоциация с октябрём семнадцатого года. Упоминалось о нём вскользь и глухо, один или два раза – мол, вот ещё с кем приходилось иметь дело большевикам-комиссарам. Его даже не ругали, как других – контрреволюционером, белогвардейцем, реакционной военщиной. Откуда взялся – неизвестно, и куда девался – непонятно. Так, на пару дней выскочил из тьмы небытия – и исчез в ней же. Имя и отчество не упоминались.

Георгий Петрович Полковников

Вытянутое лицо (что-то от породистой лошади), подбородок вперёд, усики над полной губой, высокий лоб, переходящий в умную лысину. Напряжённый взгляд. Высок, узкокостен. Выправка безупречна: сразу видно кадрового офицера довоенного производства. Сейчас, осенью семнадцатого, ему идёт тридцать пятый год. Хороший возраст.

Кто он, мотыльковый герой первой революционной осени? Стремительно влетел в свет истории, так же стремительно и сгорит.

Двумя месяцами раньше о нём никто не знал, кроме близких и сослуживцев. Дважды или трижды его имя и фамилия упоминались короткой строкой в «Русском инвалиде», в «Разведчике»: награждён георгиевским оружием, ранен, награждён Георгием четвёртой степени. Таких, как он, – тысячи.

Происхождение: казак из старинного рода. Родился 23 февраля 1883 года в станице Кривянской. Отец – офицер (дослужился потом до генерал-майора, убит революционерами-террористами в 1906 году в Полтаве). Георгию, конечно, путь был predetermined: окончив Симбирский кадетский корпус, он поступает в Михайловское артиллерийское юнкерское училище, одно из престижных учебных заведений Петербурга. («В Петербурге держит тон бравый юнкер-михайлон». Юнкера и выпускники этого училища, вплоть до генеральских чинов, составляли особую корпорацию – «михайлоны». Быть михайлоном – это на всю жизнь. И это звучит гордо.)

Из училища выпущен хорунжим во 2-ю Донскую казачью батарею. 1904 год. Русско-японская война. Хорунжий Полковников отправляется на Дальний Восток, туда, где командует бригадой его отец. На мёрзлых и вязких полях маньчжурских боёв успеваает отличиться, о чём свидетельствуют два Станислава и две Анны: четвёртой степени («клюква») и третьей, с мечами и бантом. По окончании войны произведён в сотники. Через четыре года – в подьесаулы. Затем поступает в Николаевскую академию Генерального штаба. Это важный шаг для карьеры: офицеры, окончившие академию по первому разряду и причисленные к Генштабу, могут выбирать место службы, имеют преимущества в чинах и в замещении должностей. В строевых войсках их, правда, недолюбливают: за карьеризм называют «моментами». В 1912 году Полковников заканчивает академию именно по первому разряду.

Мировую войну Георгий Петрович прошёл по большей части на штабных должностях: старший адъютант штаба

дивизии, штаб-офицер для поручений при штабе корпуса. Порученец. Подрастал в чинах (во время войны это происходит быстро): есаул – капитан (того же уровня чин, только армейский) – подполковник. Как уже говорилось, был ранен (о чём сообщает газета «Разведчик» от 6 октября 1915 года). Из наград первая – георгиевская шашка: «За то, что в боях 11 августа 1914 года, неоднократно подвергая свою жизнь явной опасности, доблестно производил рекогносцировки, сильно влиявшие на ход боёв». Не что-то из ряда вон выходящее, а обычная боевая работа. Это было в самом начале Галицийской битвы; награды тогда раздавались щедро. Но и позднее Полковникова не обходили отличиями (стало быть, ладил с начальством): Владимир четвёртой степени, Анна – второй; оба с мечами – за боевые заслуги. Наконец, белый крестик на грудь: орден Святого Георгия четвёртой степени в марте 1916-го.

К началу революции подполковник Полковников – вполне заслуженный и даже успешный боевой офицер, но ни точки не более. Таких, как он, повторим, тысячи.

Революция поначалу не слишком изменила траекторию этого движения. Короткое время Полковников занимает должность штаб-офицера для поручений по авиации Румынского фронта – освоил передовую, самую геройскую военную специальность? Летал? Не знаем. Уже через два месяца он снова на штабной службе (она же – первая в его жизни командная): исправляющий должность начальника штаба Уссурийской конной дивизии.

Вот и подстерегла Георгия Петровича судьба. Вот и вытолкнуло его на поверхность огненного исторического моря.

Уссурийская конная дивизия. О том, что это за соединение, говорят имена её начальников, сменивших друг друга на протяжении весны 1917 года: генерал-майор (далее – генерал-лейтенант) Александр Михайлович Крымов; генерал-майор барон Пётр Николаевич Врангель. Ещё можно добавить, что в этой дивизии успели послужить есаул Семёнов, будущий атаман и повелитель Забайкалья, и есаул барон Унгерн, будущий огненный бог Даурии и Монголии, «самодержец пустыни». Но это так, к слову. Время Семёнова и Унгерна настанет позже, через два года, когда судороги Гражданской войны затрясут глубинную Азию (труп Полковникова наполовину сгниёт к тому времени). И для Врангеля главная историческая роль впереди. А вот Крымов...

Крымов

Генерал с закрученными усами и огромными, едва скрываемыми амбициями. Заговорщик с довоенным стажем. Человек из доверенного круга Александра Ивановича Гучкова – в этом кругу давно вынашивались планы свержения Николая II. Непредвиденный ход революции разрушил гучковскую интригу и на какое-то время оставил Крымова в политике не у дел. Но череда кризисов, перетасовавших и обессиливших Временное правительство и военное командование, но явный и всё более страшный развал армии обусловили новый заговор, которому Крымов отдался целиком. Заговор, финалом которого стал так называемый Корниловский мятеж.

Не будем сейчас описывать это событие в подробностях – отложим на потом. Вспомним, однако, что решающую роль в захвате Петрограда, по корниловскому плану, должен был сыграть 3-й кавалерийский корпус генерала Крымова. В его составе – Уссурийская конная дивизия. Понятно, что командные должности в ней предназначались офицерам, достаточно надёжным в глазах Крымова. К таковым, видимо, относился и Полковников. В конце июля или в начале августа он переименован в войскового старшину (чин, равный подполковнику) и назначен командовать одним из полков этой дивизии – 1-м Амурским казачьим. В это самое время началось сосредоточение 3-го кавалерийского корпуса в районе Невеля (исходная позиция для движения на Петроград).

Двадцать пятого августа передовые эшелоны корпуса двинулись в сторону Петрограда. Крымов, занятый общим руководством всеми идущими на столицу войсками, предал корпус генерал-майору Краснову (запомним это имя). Полк Полковникова должен был вместе с другими полками расправиться с Советами и навести революционный порядок в Петрограде и окрестностях. Но всё пошло не так (об этом – отдельная новелла, на перегоне Третьем). Эшелоны двигались медленно, как будто кто-то подкладывал брёвна под их колёса. Через день машина заскрипела, а к 29 августа и вовсе остановилась. В движении войск, растянувшихся от Невеля до Вырицы, наступила странная пауза. По телеграфу летали приказы и воззвания, противоречащие друг другу. Корнилов и Керенский, до этого бывшие в глазах армии друзьями-соратниками, принялись проклинать друг друга. По станциям бродили

советские агитаторы. Крымов вел с кем-то какие-то переговоры, а потом, бросив штаб, уехал в столицу. (Днём позже оттуда принесётся сногшибательная весть о его гибели – якобы застрелился. И ещё более сногшибательное: Корнилов вне закона, Керенский – Верховный главнокомандующий.)

Бабочки на огонь

Полковников не стал ждать и одним из первых (если не первым) послал Керенскому телеграмму о поддержке Временного правительства и о неисполнении приказов Корнилова. Перебежал.

Перебежка стала разбегом перед неслыханным взлётом.

Третьего сентября (Корнилов уже арестован) войсковой старшина Полковников вызван в Петроград, в распоряжение военного министра, переименован в подполковники. Четвертого сентября утром произведён в полковники. А вечером назначен главнокомандующим войсками Петроградского округа. Должность по штату – для генерала от инфантерии (кавалерии, артиллерии). Это на четыре ступени выше того чина, который Полковников носил ещё вчера. Да округ-то какой! В нём вершатся судьбы страны, в нём – власть. В военно-политических реалиях того бысролетящего времени это, пожалуй, вторая по значимости позиция после Верховного главнокомандующего.

Почему Керенский выбрал себе опорой на ключевой должности именно Полковникова? Не только потому, что тот первым перебежал. Это, конечно, имело значение, но не решающее. Керенский, истерик и эгоцентрик, но человек

далеко не глупый и по-адвокатски изворотливый, не мог не понимать, какой удар по его авторитету в войсках нанесла корниловская история. И так авторитета у него было мало-вато; в корниловские же дни – метания между Ставкой и Советами, психопатическая риторика, выкрики о генеральской контрреволюции, спровоцировавшие солдатские самосуды, вопиющий факт ареста недавнего соратника и героя, а с ним – лучших генералов... И после этого он, бывший присяжный поверенный, становится Верховным главнокомандующим... Ясное дело, с генералитетом он рассорился бесповоротно. Но и офицерство, до этого политически нейтральное и мечтающее лишь о восстановлении дисциплины в войсках, теперь возненавидит его как виновника развала армии. На кого же, на какую вооружённую силу опереться ему в самом Петрограде? Солдаты гарнизона под влиянием Советов, в которых резко усилились его заклятые враги – большевики. Матросы – те ещё хуже, цвет их знамени переливается от красного к чёрному, анархистскому. Плюс к тому, в дни борьбы с Корниловым он, Керенский, сам дал отмашку формированию рабочих дружин – Красной гвардии, всецело контролируемой большевиками. Три силы в столице против него: солдаты, матросы, красногвардейцы. Кто остаётся? Казаки и юнкера. И 3-й конный корпус, по-прежнему стоящий поблизости.

Вот тут фигура, подобная Полковникову, обретает свои контуры. Такой человек незаменим для Керенского. Он природный казак – о, как это значимо для установления правильных взаимоотношений с казачьими частями! Он «михайлон» – свой человек для юнкеров и офицеров юнкерских училищ: прежде всего, Михайловского, но

и для других всё-таки в тысячу раз более свой, чем «Верховный главноуправляющий». С офицерской элитой он, выпускник Академии Генштаба, тоже найдёт общий язык. И сам факт его назначения на высшую командную должность в обход всех генералов – это знак, это жест, это рука, протянутая Керенским всему армейскому офицерству: вот как я доверяю вам, вот как я могу возвысить любого из вас.

Расчёт Керенского прекрасен; в нём только один изъян: неизвестно, что об этом думает сам Полковников. Станет ли он исполнять обязанности спасательного круга для барахтающегося в революционном море премьера, служить ему серым волком и палочкой-выручалочкой? Или захочет сыграть свою игру? Ему только что невероятно повезло, он взлетел в те сферы, о которых не мог и помышлять, – так, может быть, он попытается ухватить фортуны? Кто он – надёжный исполнитель или азартный игрок? Благодарный выдвиженец или дерзкий авантюрист?

Опасное качество таких людей, как Полковников, – то, что о них никто ничего толком не знает.

Вот вроде бы знает генерал Пётр Николаевич Краснов, принявший от Крымова командование 3-м конным корпусом... Правда, заявит об этом, когда партия с участием Полковникова будет отыграна и карты будут раскрыты, а что думал о нём тогда – неизвестно.

«Полковников – продукт нового времени. Это – тип тех офицеров, которые делали революцию ради карьеры, летели, как бабочки на огонь, и сгорали в ней без остатка. <...> 34-летний полковник становится главнокомандующим важнейшего в политическом отношении округа с поч-

ти 200 000-ною армиею. Тут начинается метание между Керенским и Советом и верность постольку поскольку»*.

Затем генерал добавляет: «Полковников помогает большевикам создать движение против правительства...» Это тоже знание задним числом.

Вообще, Краснов не договаривает. У самого генеральский мундир в пуху. В каком именно пуху – увидим.

Однако понятно, что быть пешкой Керенского Георгий Петрович не собирался. Керенский вообще уникален: за несколько месяцев у власти сумел оттолкнуть от себя всех, даже самых преданных друзей, и большую их часть бросил в бездну... Он хотел использовать их, хотел использовать и Полковникова... Но Полковников подумал – и решил использовать Керенского.

Летом-осенью семнадцатого две тени витали над военными штабами и над интеллигентными кварталами столицы; два образа носились пред мысленными взорами политиков и генералов. Цезарь и Наполеон. Штатские властолюбцы видели себя цезарями или хотя бы триумвирами при Цезаре; военные один за другим примеряли сюртук Бонапарта. Честный и искренний Корнилов, коварный Крымов... Почему бы петроградскому главнокомандующему не попытаться? По возрасту он более подходит на эту роль: Бонапарту 18 брюмера VIII года Республики было тридцать лет, Полковникову в октябре первого года русской смуты – тридцать четыре. Правда, в его вещмешке нет наполеоновских побед. Но есть хитрость, умение ладить с теми и этими и большое нерас-
траченное честолюбие.

* Краснов П. Н. На внутреннем фронте. – Л., 1927. С. 68.

Но сначала надо осмотреться. Есть немного времени. В сентябре в Петрограде наступило относительное затишье. После июльской стрельбы, после корниловской свистопляски столица должна была перевести дыхание. Обыватели притихли, политики перестраивали ряды, авантюристы оттачивали замыслы. Полковников ведёт себя тихо, старается не выходить из тени Верховного. Тем временем выясняет обстановку. Он, конечно, очень скоро понял, что власть Керенского висит в воздухе, что у того нет сколько-нибудь надёжной опоры. Но увидел также, что и его, Полковникова, место скользко: власть командующего округом призрачна, в частях гарнизона хозяйничают солдатские комитеты, но это ещё полбеда, беда же в том, что и они не знают, кому верить, куда идти, кого свергать, кого поддерживать.

В октябре похолодало, начались осенние дожди, разгоняющие уличные митинги куда ловчее, чем это делали царские городовые. Теперь судьбы мира решаются в коридорах и кабинетах Смольного, Зимнего, Главного штаба; в казармах полков, в зданиях юнкерских училищ. Понукаемые Лениным и Троцким нерешительные большевики вместе с более боевитыми соратниками – левыми эсерами и анархистами – начинают готовиться к захвату власти. Точнее, к уничтожению призрачной власти Керенского. Подготовка идёт в открытую, о ней знают все, и делают вид, что ничего не происходит.

В Смольном Петросовет создаёт Военно-революционный комитет, прямая цель которого – перетянуть на свою сторону солдат Петроградского гарнизона и матросов Кронштадтской базы, чтобы затем прикончить Временное правительство. Что делает Полковников? Ничего.

Ни слова против, ни одного приказа поперёк. С благословения ослеплённого, оглушённого и совершенно обезумевшего Керенского он ведёт со Смольным переговоры, встречается с депутатами Петросовета, приглашает к себе членов ВРК, ведёт с ними никому не нужную переписку... Что сие значит? Ну, главковерх спятил, но главный начальник Петроградского военного округа (так теперь называется должность Полковникова) не может не видеть, куда всё катится!

Да видит. Но у него свой расчёт.

Керенский всем надоел, всё потерял и всему мешает. Его надо устранить, и лучше всего сделать это руками таких же, как он, безумцев – большевиков, силами разнузданной петроградской солдатчины. Пусть они свергают ничёмное правительство. Пусть захватывают власть – ведь удержать-то они её и три дня не смогут. Как они удержат власть – ничтожества в пиджачках и кепках, напичканные бредовыми идеями, ошельмованные титулом «немецкие шпионы», вызывающие у обывателя ужас призывом грабить награбленное? Всё общество, вся столица, вся армия обратятся против них. Вот тут и настанет наш час – мы явемся избавителями от большевистского кошмара и установим свою власть, настоящую. Мы – Георгий Полковников и другие лица, кои будут названы чуть позже.

Расчёт до некоторого момента верный. Большевики в сентябре-октябре семнадцатого аккумулировали общественный протест против действий Временного правительства. Их успехи были тенью ошибок и неудач Керенского – с исчезновением Керенского должна была исчезнуть и тень. Сил, на которые можно было

положиться, у Ленина и Троцкого было немногим больше, чем у «главноуговаривающего». Большинство войск гарнизона колебалось. Матросы охотно слушали анархистов и гнули свою линию. Наиболее привержены большевикам заводские рабочие и их красногвардейские дружины. Но это публика штатская, что она против военной силы?

Значит, успех наших планов зависит от войск. Кто на нашей стороне? Те, кто определённо против большевиков и во всяком случае не за Керенского: офицеры и юнкера в Петрограде, казаки 3-го конного корпуса вблизи столицы. Вот, собственно, чем занят был Полковников в октябре: пока комиссары ВРК открыто вели пропаганду в казармах, он менее заметно налаживал контакты с офицерами юнкерских училищ и с командованием 3-го корпуса. Он прекрасно знал, насколько неуправляемы полки Петроградского гарнизона, насколько ничтожна их боеспособность. Они сильны против пятнадцати перепуганных министров, загнанных в северо-западный угол Зимнего дворца, но перед хорошо организованной военной силой они – стадо баранов. Стало быть, несколько тысяч юнкеров плюс несколько тысяч казаков, сохранивших дисциплину и порядок, опираясь на поддержку петроградских обывателей, легко низвергнут большевиков и разгонят ту часть гарнизонного стада, которая попытается оказать сопротивление.

Это и будет нашим 18-м брюмера.

Разумеется, Георгий Петрович (Победоносец, сын Камня) сочинял для себя роль военного диктатора России. Но для того, чтобы эту роль сыграть, ему страшно не хватало авторитета, влияния, связей. Он ищет влиятельных соратников – и находит их, как мы видим из

дальнейших событий, в лице генерала Краснова и экс-бомбиста Бориса Савинкова.

Теперь о Савинкове

Борис Викторович Савинков обладал одним-единственным талантом: создавать у всех иллюзию о себе как о великом человеке. Посредственный писатель, второсортный поэт, политический неудачник, несостоявшийся заговорщик и недоучившийся студент – вот кто он при сухом анализе биографических фактов. А репутация! Особо тогда, в семнадцатом году.

Репутация сделана простым способом. Когда-то, во время первой русской революции, он поучаствовал в деятельности эсеровской боевой организации – на вторых ролях, под сенью Азефа. Собственно говоря, Савинкову можно записать в актив ровно два успешных теракта – два, не более: убийство министра внутренних дел Плеве в июле 1904-го и убийство великого князя Сергея Александровича в феврале 1905-го. В обоих случаях значимость его участия под вопросом. Руководил всем Азеф (то есть Особый отдел Департамента полиции); бомбы бросали, шли на виселицу и в каторгу друзья Савинкова; он же направлял их, напутствовал, а потом наблюдал за происходящим из безопасного места. Все остальные попытки терактов, которые Савинков пытался устроить, вылетев из-под крыла Азефа, закончились полным провалом, арестами и гибелью друзей и благополучным отбытием организатора в эмиграцию. Там, в эмиграции, он быстро, по горячему интересу, опубликовал две книжки:

«Воспоминания террориста» и «Конь бледный», в которых описал историю с Плеве и Сергием, свою же деятельность представил в нужном ему, весьма романтическом свете. Книги стали бестселлерами: как если бы Усама бен Ладен году в 2003-м опубликовал роман про нью-йоркские теракты 11 сентября. А за Савинковым закрепилась репутация террориста номер один в мире.

Во время Мировой войны имя Савинкова потонуло в патриотическом гомоне и в трубном звуке фронтовых репортажей. Его стали забывать. Но – революция. В апреле семнадцатого Савинков появляется в Петрограде, и его сразу же подхватывают жадные волны революционного моря. Керенскому – который в начале взлёта – нужны соратники с громкими революционными именами. Савинков как нельзя боле подходит. В мае Керенский, никогда не державший в руках боевого оружия, становится военным министром, а Савинков, никогда не служивший в армии, назначен комиссаром Временного правительства при штабе 7-й армии; через месяц – комиссаром при штабе Юго-Западного фронта; ещё через месяц – управляющим Военным министерством и комиссаром при Ставке Верховного главнокомандующего. Верховный в это время – Корнилов. Так вырисовывается триумвират: Керенский – Савинков – Корнилов. Бомбист Савинков – посередине между адвокатом и генералом.

«Как Цезарь между Помпеем и Крассом», – наверно, так он думал. Если Полковников спал и видел себя в сюртуке Бонапарта, то Савинков не иначе по ночам перед зеркалом примерял тогу Гая Юлия. Человек безграничных амбиций, он не мог представить себя в триумвирате менее чем Цезарем.

Но выступление Корнилова и истерика Керенского спутали все карты. Триумvirат развалился. Савинков рассорился с Керенским и в одночасье оказался не у дел. Остановленный на самом взлёте, Савинков не может с этим смириться, он ищет, к чему бы приложить своё честолюбие и свою разрушительную энергию. Он обращается к казакам. (Приятельница всех писателей и политиков того времени Зинаида Гиппиус записывает в дневнике 20 сентября: «Вчера Борис. У него теперь проект соединения с казаками...»^{*}). Казаки кажутся ему той силой, которую он сможет использовать для нового захода во власть. Расчёт весьма прозрачный, если вспомнить, что казачьи полки 3-го конного корпуса ближе всего стоят к столице. Есть и ещё один мотив: Дон и недавно избранный атаманом войска Донского генерал Алексей Максимович Каледин. Хлипкому Петрограду Дон с атаманом во главе представляются чем-то вроде Тамерланова воинства. (Зинаида продолжает: «...И если не выйдем с ними газета – ехать на Дон».) Газета для Савинкова – дело десятое, чтобы было о чём с дамами поговорить. Из петроградского далека ему видится: казачий круг – вот точка опоры для того, чтобы перевернуть историю.

На Дон смотрит не только эта пара глаз. Смотрит и Полковников, смотрит и ещё кое-кто... Но обо всём в своё время.

«Соединение с казаками» приносит плоды: в исходе сентября Савинков избирается во Временный совет

^{*} Цитаты из дневников Зинаиды Гиппиус здесь и далее приводятся по электронной версии: Гиппиус З. Н. Дневники. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0070.shtml

республики (Предпарламент) от казачьих организаций Кубани (на Кубани, кажется, никогда в жизни не бывал). Конечно, говорильня эта ему не нужна, но нужны знакомства, связи, контакты – ими, как осенней паутиной, наполнен воздух Мариинского дворца. Вот, например, зачастил сюда старичок-генерал, круглоголовый, с фельдфебельскими усами... Кто это? Минуточку терпения.

Большевики, подталкиваемые «революционной инициативой низов», боязливо готовятся к свержению Временного правительства – у всех на виду, не таясь. Савинкову это на руку. Как и Полковников, он ждёт уничтожения Керенского руками большевиков; как и Полковников, рассчитывает быть вознесённым на волне антибольшевистского негодования. Заговорщик по натуре, он начинает лепить второй триумvirат – вступает в тайный контакт с Полковниковым и Красновым, для того, чтобы в нужный момент соединить их, стать посередине.

Момент вот-вот настанет: Керенского обложили со всех сторон. Но...

Алексеев

В этой хитро написанной пьесе есть ещё одно действующее лицо: тот самый пышноусый старичок в генеральском мундире, с которым не раз здоровался Савинков в коридорах Мариинского дворца.

Генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

Роль Алексеева в событиях семнадцатого года определяется тем, что он успел предать всех, с кем был связан тайно или явно. Это особенно интересно, если учесть, что

до рокового февраля его офицерская репутация выглядела безупречной.

Сын фельдфебеля, дослужившегося до майорского чина, – солдат от природы. Гимназист, вольноопределяющийся, юнкер, офицер, генерал. Русско-турецкую войну отвоевал прапорщиком; Русско-японскую – генерал-майором; между войнами окончил Академию Генерального штаба по первому разряду. Идеальный штабист. Кавалер ордена Святого Владимира трёх степеней, Георгия – четвёртой, Белого орла; полный кавалер орденов Станислава и Анны. Сорокалетие службы отметил в последнем предреволюционном году. Последняя должность перед революцией – с августа 1915-го – начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего (на телеграфном языке войны «наштаверх») – при главковерхе государе императоре.

Небольшого росточка, круглоголовый, седенькая короткая стрижка, нос пуговкой, глаза слегка раскосые... Благодаря этим глазам, круглости головы и ещё усам – немножко похож на кота. Зрение с годами слабеет (в ноябре исполнится шестьдесят лет), приходится надевать очки. Если оставить на носу эти очки, но убрать усы – обнаружится некоторое сходство с газетным фото советского генерала Власова. Правда, в семнадцатом году про будущего генерала Власова и про власовцев никто, естественно, не знает и не догадывается: оному Власову шестнадцать лет, он тихо учится в духовной семинарии и ничем с генералом Алексеевым не схож.

И про Алексеева мало кто знал до Первой мировой войны. В ходе войны выяснилось, что он – выдающийся стратег. Во всяком случае, такая репутация сложилась; мы не

будем судить, справедливо ли – не наше это дело. Во время Галицийской битвы 1914 года он был начальником штаба Юго-Западного фронта. Русские войска имели успех, взяли Львов и дошли до Кракова; лавры поделили между собой генералы: главнокомандующий Иванов, командующие армиями Рузский и Брусилев, ну и, конечно, Алексеев. (Тут имели значение фамилии: такие типично русские, из гущи. Плеве, Эверт или, подавно, Ренненкампф, если и одерживали победы, не могли претендовать на всероссийскую газетную славу. И даже Лечицкий с Юденичем – что-то не то.) В 1915 году Алексеев – главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, как раз во время Великого отступления. В общем-то, войска под его командованием терпят поражение за поражением – но ему ставится в заслугу то, что не разгромили до конца. Он как бы спас армию. Если в четырнадцатом году он подобен Багратиону, то в пятнадцатом его осеняет тень Барклая. В результате, когда государь император принял обязанности Верховного главнокомандующего, начальником штаба взял к себе Алексеева. Понятно, что при главковерхе, не профессиональном военном, начальник штаба превращается в центральную фигуру Ставки.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА